

Софья Чуйкина

Benjamin Tromly. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 295 pp. ISBN 978-1-1070-3110-4.

Софья Чуйкина. Адрес для переписки: Université Paris VIII Vincennes — Saint-Denis, Département d'études slaves, 2 Rue de la Liberté, 93526, Saint-Denis, CEDEX 02, France. sofia.tchouikina@gmail.com.

Книга Бенжамина Тромли «Создание советской интеллигенции: университеты и интеллектуальная жизнь при Сталине и Хрущеве» прослеживает рождение из духа университета позднесоветской интеллигенции в период с 1946 по 1964 год. На основе детального изучения различных реалий университетской жизни, от поступления до распределения, от учебы до участия в кружках и поэтических чтениях, от сталинских репрессий до хрущевских, автор показывает, как формировалось самосознание и мировоззрение молодых специалистов. Анализ интеллигенции, предлагаемый Тромли, является преимущественно институциональным. Ее особенности объясняются тем, каким образом строились отношения между государством и образовательными учреждениями. Трудно полностью согласиться с этим подходом, который сводит комплексный феномен интеллигенции к функционированию университетов, однако фокусирование на этом аспекте позволяет автору прийти к целому ряду интересных выводов.

В послевоенные годы многие страны развивали университеты, начался всемирный бум университетского образования, количество студентов и количество вузов постоянно росло, и Советский Союз не был исключением. На образование и науку выделялись значительные финансовые ресурсы. При этом было все менее очевидно, каким образом выпускники университетов и интеллектуальный слой в целом вписываются в советский проект построения коммунистического общества. Если в раннесталинский период выпускники университетов считались «трудящимися с дипломами» (с. 7), находящимися на службе у государства, то в послевоенное время они превратились в замкнутую статусную группу, обладающую автономией и сознанием элиты, возвышающуюся над остальными трудящимися и претендующую на доминирующее положение в стране. Университеты также перестали быть лифтом социальной мобильности для активных рабочих-партийцев и превратились в инструмент воспроизводства интеллектуальной элиты.

Руководители, особенно Никита Хрущев, считали элитизм интеллигенции существенной проблемой для страны. Предпринимались многочисленные меры для того, чтобы демократизировать образованный слой и «сбить с него спесь». Вводились квоты на прием рабочих в вузы, поездки студентов в колхозы и на целину, принудительное распределение молодых специалистов. Однако, несмотря на все эти меры, борьба выпускников университетов за символическую власть и престиж

в обществе только нарастала. В этой борьбе они использовали в основном культурные ресурсы. Динамика этого культурного конфликта и является предметом исследования.

Как многие современные авторы, Тромли считает непродуктивным рассмотрение взаимоотношений интеллигенции и власти в терминах политического конфликта или в терминах оппозиции между провластной и антисоветской интеллигенцией. Он показывает, что конфликт носил прежде всего культурный характер. Выпускники университетов ощущали «культурную миссию», они стремились к тому, чтобы их ценности стали в стране доминирующими и чтобы у власти находились такие политики, с которыми они имели бы возможность себя идентифицировать. Этот культурный конфликт, существовавший еще с 1920-х годов, в хрущевский период достигает своего апогея. Большая часть университетской публики не могла идентифицировать себя с Хрущевым и его окружением. Такое культурное отторжение способствовало тому, чтобы символически отделить себя от «них». У интеллигенции нарастала потребность в создании своего собственного языка описания окружающей реальности и в продвижении этих категорий в публичное пространство. При этом Тромли показывает, что университетское сообщество во многом разделяло цели послевоенной модернизации страны, заявленные компартией: стремление наладить функционирование тяжелой и легкой промышленности, развивать научные школы, занять лидирующие позиции в мире в сфере науки и производства, повысить культурный уровень всех жителей страны. Однако способность правящей партии претворить эти идеи в жизнь вызывала все больше сомнений из-за различий в культурных кодах номенклатуры и интеллигенции. Тромли полагает, что превращение интеллигенции в автономную элитарную статусную группу, претендующую на то, чтобы быть авангардом общества и «просвещать» трудящихся и власть, было следствием нескольких процессов послевоенного времени: стремления к возврату и упрочению академических статусных иерархий в университетской среде, кампаний против «космополитов» и старых научных школ, повышения статуса технических наук в контексте Холодной войны, сомнения в статусе советской науки в сравнении с мировой, кризиса марксизма как объяснительной парадигмы и кризиса всей советской идеологии.

В книге много внимания уделяется преемственности университетского стиля – от дореволюционного времени до оттепели. Несмотря на многократные чистки и репрессии преподавательского состава как в довоенный, так и в послевоенный период, многие профессора являлись подлинным воплощением дореволюционной университетской культуры. Некоторые из них намеренно культивировали традиционность и преемственность, другие лишь аполитично ее олицетворяли. Так или иначе, советские университеты в большей степени представляли собой анклав традиционной академической культуры XIX века, чем их западные аналоги. Статусные иерархии мало подвергались сомнению. В отличие от своих французских сверстников 1960-х, которые одели Полю Рикеру, ректору университета Нантерра, мусорное ведро на голову, советские студенты продолжали «внимать» профессорам. Они критиковали чрезмерное ко-

личество занятий и экзаменов, требовали разрешить им свободное посещение, но не подвергали сомнению академические и культурные иерархии и стремились подражать высококультурным преподавателям.

При этом студенты не были оппозиционной по отношению к политическому режиму группой. Обсуждая и критикуя его, они стремились реформировать политический режим с помощью культурных инициатив и просвещения. Ревизионисты конца 1950-х – начала 1960-х годов были одновременно комсомольцами, культурными активистами и критиками отдельных аспектов функционирования режима. При этом критика режима осуществлялась как с идеей перехода к либерализации, так и с идеями о возврате к сталинской модели.

Память о чистках и репрессиях 1920–1930-х годов была жива в университетской среде и сказывалась на восприятии современных событий. Борьба с космополитизмом, развернувшаяся в конце 1940-х годов, воспринималась преподавателями и многими студентами как очередное проявление антиинтеллектуализма со стороны партии. В то же время Тромли показывает, что некоторые удавшиеся партийные кампании против высокостатусной научной элиты (такие как «лысенковщина») были следствием соединения многих факторов. Он приводит пример того, как в физике подобная кампания завершилась победой ученых над «народной наукой», причем эта победа была одержана через мобилизацию комсомола и с активным использованием партийной риторики. В результате этой борьбы произошла политизация как профессорского состава, так и студентов.

Тромли показывает, что представления о том, что университеты позднесталинского периода были в значительной степени подчинены властям, являются преувеличением. В реальности как власть, так и университеты находились в поиске ориентиров и стремились понять цели и ценности советской науки. Нападки партийных властей на университеты в конце 1940-х годов вызвали целый ряд важных вопросов и дискуссий. Многих волновал вопрос о том, является ли советская наука частью мировой или стоит особняком. Велись дискуссии по поводу вопроса доминирования марксизма в науке и споры о том, как приспособить марксистский подход к современности.

Фундаментом самоопределения интеллигенции стала основная идея оттепели – идея возрождения общества через культуру. В результате определение интеллигенции стало почти полностью «культурным». Согласно Тромли, принадлежность к интеллигенции определялась прежде всего культурным потреблением (необходимость читать определенные книги). Это «культурное» определение отчасти уходит корнями в дореволюционный период, а отчасти восходит к сталинской «кампании культурности» середины 1930-х годов. В период оттепели интеллигенция стремилась утвердить свое превосходство и оригинальность через интерес к иностранной культуре и литературе.

Книга Тромли вносит вклад в научную дискуссию о периоде хрущевской оттепели в нескольких аспектах. Чем дальше советский период уходит в прошлое, тем больше историки стремятся пересмотреть хронологии, установившиеся под влиянием современников. Тромли участвует в этом мощном движении, которое сейчас разворачивается по всем фронтам советской истории. Он настаивает на том, что

принятые водоразделы – такие как год смерти Иосифа Сталина (1953) и год начала «десталинизации» (1956) – не внесли больших изменений на уровне идентичностей и практик. Книга показывает, что многие практики и идентичности интеллигенции, обычно приписываемые периоду оттепели, зародились уже в послевоенные годы, в 1946–1947 годах. Точно так же и многие конфликты, развившиеся уже в хрущевский период, начали зарождаться значительно раньше.

Тромли вносит вклад и в бесконечную дискуссию на тему «интеллигенция и власть». Из его книги вырисовывается оригинальный тезис о том, что интеллигенция, артикулируя культурный конфликт с номенклатурой, стремилась сама стать «властью». Он показывает, что давление партии на ученых, преподавателей и студентов не следует однозначно трактовать как прикармливание – принуждение. Это был постоянный переговорный процесс, в котором университетское и научное сообщество иногда побеждало, если умело использовало имеющиеся идеологические и бюрократические рычаги.

Из культурного конфликта как внутри университетов, так и за их пределами, по мнению Тромли, зародился национализм некоторых («новых») интеллигентов. Например, в Киевском университете в послевоенный период предпочтение украинского языка в общении воспринималось столичными студентами как провинциализм. Национализм являлся способом преодоления маргинальной позиции в интеллектуальном сообществе, преодоления «лингвистических и культурных иерархий» (с. 224).

Тромли не вдохновляется фукианскими подходами к исследованию власти как дискурса и критикует понятие «советской субъективности». Являясь сторонником конструктивистского подхода, он показывает, как в ходе построения отношений между студенчеством, профессорами и представителями государства (партии) постепенно появляются и институционализируются новые практики. Формирование идентичности интеллигенции предстает как многомерный и многоплановый процесс. Интеллигенцию Тромли, соответственно, определяет как «воображаемое сообщество».

К недостаткам книги Тромли можно отнести отождествление понятий интеллигенции и образованного слоя (*educated society*) и отсутствие сравнения между университетами и другими вузами. Являлись «кузницей» интеллигенции именно университеты или предлагаемую модель можно распространить на всю сферу высшего образования? Если ответ на первый вопрос – отрицательный, то в каких терминах обозначить выпускников других вузов? Был ли у них культурный конфликт с советской бюрократией, и если был, то в какой форме? Как складывались их отношения с выпускниками университетов?

Вызывает также некоторое сожаление, что Тромли ведет диалог со специалистами по послевоенному СССР, фактически не выходя за пределы этого временного периода, хотя здесь напрашивается и рассмотрение послевоенной интеллигенции в более длительной исторической перспективе, и международное сравнение. Формированию интеллигенции и функционированию университетов в 1920–1930-е годы в работе уделяется незначительное место, хотя более развернутый диалог с историками этого периода мог бы быть весьма продуктивен.

Динамика взаимоотношений советской интеллигенции с властью напоминает также процессы, описанные историками Российской империи. Вспомним, например, анализ происхождения интеллигенции, предпринятый историком Марком Раевым («Origins of Russian Intelligentsia: The Eighteenth Century Mobility») применительно к XVIII–XIX векам: Петр I приказал всем дворянам получать образование для того, чтобы они были лучше подготовлены для службы государству, для проведения реформ ему требовались «трудящиеся с дипломами». Однако в дальнейшем именно наличие образования способствовало тому, что дворянство стало осознавать себя самоценной элитой, стремилось получить как можно большую автономию от государства и породило в конечном счете интеллигенцию XIX века, для которой понятие «служба» уже имело совершенно новое значение. Эта интеллигенция была готова служить обществу, самой себе, народу, но культивировала культурный конфликт с самодержавием, который, наряду с другими факторами, стал причиной октябрьских событий 1917 года.

Тромли удастся подступиться к анализу одной из особенностей позднего СССР: советские политические лидеры не являлись выпускниками самых престижных в стране учебных заведений. Поскольку продвижение по партийной линии было основным каналом социальной мобильности, диплом имел не самое большое значение для тех, кто стремился занять руководящие позиции. Это сильно отличало СССР от западных стран, во всяком случае – от Англии, Франции, США, где через Оксбридж, Grandes écoles и Лигу плюща прошли не только многие политики, но и интеллектуалы, что способствовало их превращению в единый истеблишмент. Зарубежные социологи часто критикуют близость политических, экономических и интеллектуальных элит и переплетение их социальных сетей за то, что элита оказывается закрытой и далекой от народа. СССР представлял собой любопытную альтернативу этой модели. Было бы интересно более подробно проанализировать положительные и отрицательные стороны наличия «культурного конфликта» между университетской средой и политической элитой и довести хронологию этого исследования до перестройки или даже до настоящего момента.